Пол Уилсон

Часть игры

— Вы получить внимание самый прославленный человек, — сказал Цзян Цзы Фу.

Китаец был одет в застегнутый спереди на ониксовые пуговицы длинный черный халат с воротником-стойкой. Волосы он заплел в косу, которая выползала из-под традиционной черной шапочки. Глаза у китайца были черные и блестящие, как пуговицы, и, как это принято у его народа, совершенно ничего не выражали.

Сержант полиции Хэнк Соренсон улыбнулся.

— Полагаю, Мандарин слышал о том маленьком представлении, которое я вчера устроил в игорном заведении Вонга.

Лицо Цзяна осталось невозмутимым.

— Моя не говорить, что это он.

— В этом не было необходимости. Скажи ему, что я хочу с ним встретиться.

Цзян моргнул. Попался! Прямой разговор всегда приводит этих китаез в замешательство.

Хэнк оставил свой чай остывать на стоящем между ними маленьком столике. Пару раз он притворялся, что отпивает из чашки, но на самом деле не проглотил и капли. Он сомневался, что здесь найдется человек, способный пойти против него, но кто знает, что на уме у этого Мандарина.

Он попробовал взять этого китаезу на мушку. И последовал ночной звонок от кого-то, назвавшегося Цзяном Цзы Фу, «представителем» — эти азиаты вечно его смешили — важной особы в Чайнатауне. Ему не нужно было уточнять, какой особы. Хэнку это было известно. Китаец сказал, что им нужно встретиться, чтобы обсудить важные вопросы, затрагивающие их общие интересы. «Нефритовая луна». 10 часов утра.

Хэнк знал это место — рядом с китайским храмом на Плам-стрит — и приехал заранее. Первым делом он проверил улочку позади заведения. Все чисто. Зайдя внутрь, он выбрал столик в углу возле задней двери и сел спиной к стене.

«Нефритовой луне» было далеко до первоклассного заведения, впрочем, как и всем китайским ресторанам: грязный пол, залапанные стаканы, облупившаяся полировка на дверях и панелях, потрепанные бумажные светильники, свисающие с голых балок.

Вовсе не в таком месте он ожидал встретиться с наместником таинственного, могущественного и неуловимого Мандарина.

Мандарин не заведовал мутными делишками в Чайнатауне. Он устроился куда лучше: снимал с них сливки. Он никогда не пачкал свои руки ничем, кроме денег, которые в них вкладывали: Наркотики, проституция, азартные игры… Мандарин везде имел свой кусок.

Как ему это удавалось, являлось еще большей тайной, чем его личность. Хэнку приходилось сталкиваться с местными — суровые типы, все как на подбор. Не из тех, что согласятся отстегивать часть своего заработка без боя. Но они отстегивали.

Конечно, может, раньше здесь и была заварушка, которую им не удалось выиграть. Но даже если она действительно имела место, то вдали от посторонних глаз, потому что он ни слова об этом не слышал.

Хэнк контролировал китайский квартал для департамента полиции Сан-Франциско с 1935 года. И до сих пор ему не удалось найти никого, кто лично встречал бы Мандарина. И они не просто говорили, что никогда не видели его, они не врали. Если за три проведенных здесь года Хэнк чему и научился, так это никогда не задавать китайцам прямых вопросов. С ними нельзя вести себя как с обычными людьми. С ними всегда нужно заходить издалека. Они были лживыми, хитрыми, всегда ловчили, увиливали от вопроса и старались уйти от ответа.

Он стал чуять их ложь за милю, но, задавая вопросы о Мандарине, никогда не чувствовал и тени обмана. Даже применив пару раз силу, он так ничего не добился. Они не знали, кто он такой, где он и как выглядит.

Хэнку потребовалось время, чтобы прийти к поразительному выводу. Они не желали знать. И это его насторожило. Китайцы были ужасными сплетниками. Постоянно кудахтали обо всем на своем птичьем языке, распространяя слухи и сплетни не хуже старых склочниц. Если они избегали о ком-то разговаривать, значит, они его боялись.

Даже эти мелкие людишки были напуганы. И это кое-что говорило о влиятельности Мандарина.

Хэнку пришлось признать, что он впечатлен, но он вовсе не боялся. Он не был китайцем.

Цзян прибыл точно в десять и, прежде чем сесть, поклонился.

— Даже если я знать такой человек, — сказал китаец, — уверен, он не встречаться с вами. Он послать эмиссара, как мой хозяин послать меня.

Хэнк улыбнулся. Эти китайцы…

— О’кей, если собираешься играть по этим правилам, то скажи своему хозяину, что я хочу кусок его пирога.

Цзян нахмурился.

— Пирога?

— Его капусты. Его зеленых. Отката, что он снимает со всех местных опиумных притонов, борделей и азартных игр.

— А, это. — Цзян покачал головой. — Мой хозяин понимать, что все это — часть повседневный бизнес. Но такой, как он, не пачкать свои руки. Он предложить вам связаться с многочисленный заведения, который вам интересны, и договариваться с ними самостоятельно.

Хэнк наклонился к нему и сделал страшное лицо.

— Слушай, ты, желтолицый болван, у меня нет времени ошиваться здесь, отслеживая каждую мелкую сделку. Я знаю, что твой босс имеет свой кусок с них всех, и поэтому хочу получить свой кусок с него! Тебе ясно?

— Боюсь, это не есть возможно.

— Нет ничего невозможного! — Хэнк отодвинулся. — Но я разумный человек. Мне не нужно все. Мне не нужно даже половину. Я согласен ровно на половину того, что он получает с игорного бизнеса.

Цзян улыбнулся:

— Это шутка?

— Я серьезно. Чертовски серьезно. Он может оставить себе весь навар от наркоты и притонов с девками. Но я хочу половину прибыли Мандарина от азартных игр.

Хэнку было хорошо известно, где в Чайнатауне ворочаются деньги. Торговля опиумом здесь процветала, но вот азартные игры… эти китаезы ставили на все и вся. Конечно, у них были свои игорные заведения — для фан-тана, маджонга, пай гоу, сик бо, кено и прочего — но на этом они не останавливались. Огромной популярностью пользовалась лотерея. Он видел, как днем и ночью по всему кварталу, на каждом углу организаторы собирали у местных бумажки. Напиши на такой три числа, сдай ее вместе с деньгами и молись, чтобы завтра последние три числа индекса Доу-Джонса совпали с твоими.

Черт, они ставили практически на все, даже на погоду.

И не считали нужным это скрывать. На дверях игорных заведений висели таблички с часами работы, а у некоторых даже стояли зазывалы, завлекая людей внутрь. Азартные игры были у них в крови, и поэтому в игорном бизнесе всегда вращались деньги, так что Хэнк хотел бы иметь в нем свою долю.

Нет, он будет иметь.

Цзян покачал головой и начал подниматься.

— Очень жаль, детектив Соренсон, но…

Хэнк вскочил со стула и схватил Цзяна за грудки.

— Слушай, ты, узкоглазый! Это не оговаривается! Так или иначе, я собираюсь вступить в вашу игру. Дошло? Серьезно вступить. Или же здесь не будет никакой игры. Или же я буду приводить сюда наряд за нарядом, мы схватим за шиворот каждого узкоглазого лотерейщика и закроем все вшивые игорные притоны в районе. Маджонг, сик бо, или как вы их там называете, останутся в прошлом. И что тогда получит твой босс? Сколько выйдет, если взять сто процентов от нуля?

Он рывком подтянул к себе Цзяна, ударил его по липу тыльной стороной ладони и оттолкнул к стене.

— Передай ему, пусть поумнеет, или же он не получит ничего!

Хэнк хотел продолжить, однако при виде смертельной ярости в глазах Цзяна слова застряли у него в горле.

— Собака! — прошипел китаец сквозь стиснутые зубы. — Ты опозорить этот человек перед все эти люди!

Хэнк оглянулся на неожиданно притихший ресторан. Посетители и разносчики стояли, словно окаменев, и глядели на него с открытыми ртами. Но Хэнка Соренсона не запугаешь кучкой китайцев.

Он ткнул Цзяна пальцем.

— Кем ты себя вообразил, назвав меня…

Цзян взмахнул рукой.

— Я служить тому, кто брезговать вытереть о тебя сандалии. Ты опозорить этот человек, а значит, опозорить его. Горе тебе, детектив Соренсон.

Он внезапно вскрикнул и ударил ребром ладони по столу, затем развернулся и ушел.

Цзян был уже на полпути к двери, когда столик развалился на куски.

Потрясенный Хэнк уставился на кучку деревяшек.

— Какого черта…

Не стоит обращать на это внимания. Он собрался слухом и посмотрел по сторонам. Ему хотелось убраться отсюда, но не было желания проходить мимо всех этих зевак. Они могли заметить, что его бьет дрожь.

Этот стол… если Цзян смог проделать такое с деревом, что же он мог сделать с человеческой шеей?

Отогнав эту неприятную мысль, он вышел через заднюю дверь. Оказавшись снаружи, Хэнк глубоко вдохнул затхлую вонь улочки. Утреннее солнце еще не успело подняться достаточно высоко, чтобы разогнать здесь тени.

Во всяком случае, он доставил свое послание. И тот факт, что Цзян ударил не его, а столик, только укрепил его уверенность в том, что насчет возможного отпора можно не волноваться. Ни один китаец не посмеет поднять руку на представителя полицейского отделения Сан-Франциско. Они знали, что в таком случае ждет их квартал.

Шагая к улице, он вздохнул. По крайней мере, в этом ресторане его мысли были заняты чем-то еще, кроме Луанны. Но теперь она вернулась. Ее лицо, ее фигура, голос… о, этот голос.

Луанна, Луанна, Луанна…

* * *

— Мне стоило убить этого пса за неуважение к вам, почтеннейший, — сказал Цзян, опустившись на колени перед Мандарином и прижавшись лбом к каменному полу.

Вместо привычного для себя кантонского Цзян говорил на мандаринском — на диалекте, который предпочитал Мандарин.

— Нет, — произнес хозяин тихим шипящим голосом. — Ты хорошо поступил, не причинив ему вреда. Мы должны найти иной способ с ним справиться. Садись, Цзян.

— Благодарю вас, о великий.

Цзян поднял голову, но остался стоять на коленях, отважившись лишь украдкой взглянуть на своего хозяина. Он много раз видел того, кто был известен в Чайнатауне как Мандарин — настоящее его имя оставалось тайной даже для Цзяна, — но это не умаляло его величия.

Высокий широкоплечий мужчина стоял, спрятав руки в широкие рукава своего вышитого изумрудного халата; традиционная черная шапочка покрывала тонкие волосы, обрамляющие высокий лоб. Цзяна, как всегда, поразили светло-зеленые глаза, которые словно светились.

Ему было неизвестно, является ли его хозяин настоящим Мандарином или же его называют так из-за диалекта, на котором он предпочитал говорить. Он знал, что хозяин владеет многими языками. Он слышал, как он говорил на английском, французском, немецком и даже обращался к работавшим на него индусам на примитивном диалекте хинди.

Несмотря на огромные деньги, проходящие через его руки, хозяин вел скромную жизнь. Цзян по крупицам собрал информацию о том, что он принадлежал к более крупной организации и, возможно, даже возглавлял ее. Он подозревал, что львиная доля денег возвращается обратно на его родину и используется для закупки оружия, чтобы противостоять вторжению японских псов, опустошивших Нанкин.

— Так значит, этот жалкий отпрыск червя требует половину прибыли от игорного бизнеса? Желает — как он там выразился — войти в игру?

— Да, великолепнейший.

Хозяин прикрыл глаза.

— Войти в игру… войти в игру… Что ж, мы, несомненно, можем исполнить его желание.

Несколько мгновений, проведенных в молчании, Цзян чувствовал себя сбитым с толку. Хозяин… уступает требованиям этого таракана? Невероятно! И все же его слова…

Бросив взгляд вверх, он увидел, что глаза хозяина снова открылись, а на тонких губах играет еле заметная улыбка.

— Да, именно. Мы сделаем так, чтобы он стал частью игры.

Цзяну уже случалось видеть эту улыбку. И он знал, что обычно за ней следовало. Цзяну оставалось только порадоваться, что он не детектив Соренсон.

* * *

Хэнк взял свой двубортный смокинг и придирчиво его изучил, особое внимание уделяя широким атласным лацканам. Пятен нет. Отлично. Можно еще несколько раз его надеть, прежде чем отправить в чистку.

Как всегда, он поразился тому, насколько неуместно смотрелся смокинг в его ободранной двухкомнатной квартирке. Но иначе и не могло быть. Он отдал за него месячную квартплату.

Все для Луанны.

Эта крошка обходилась ему в целое состояние. Проблема заключалась в том, что у него не было состояния. Однако игровой бизнес Чайнатауна это исправит.

Он покачал головой. В свое время, когда он был еще неопытным вымогателем, Хэнку и в голову не пришло бы провернуть такое дело. И если бы не Луанна, он не решился бы на это и сейчас.

Но женщина меняет все. Женщина может вывернуть тебя наизнанку и поставить с ног на голову.

И Луанна была как раз из таких.

Он вспомнил, как впервые увидел ее в клубе «Серендипити». Это походило на удар под дых. Не просто красотка; увидев ее, можно было потерять голову. А затем она подошла к микрофону и… Этот ангельский голос!

Хэнк услышал, как она поет «I've Got You Under My Skin» — и пропал. Раньше он сотни раз слышал эту песню по радио в исполнении Дорис Лессинг, но Луанна… Ему тогда показалось, что она поет только для него.

Хэнк остался до конца выступления. Когда она ушла со сцены, он последовал за ней — вида полицейского значка было достаточно, чтобы тип, охраняющий выход за кулисы, его пропустил, — и пригласил на свидание. Коп не был простым поклонником, поэтому она согласилась.

Хэнк из кожи вон лез, чтобы произвести на Луанну впечатление, и на данный момент они раз шесть вместе выходили в город. Но Луанна не позволила ему зайти дальше. Он знал, что был не единственный, с кем она встречается (пару раз видел ее с богатыми бездельниками), но Хэнк не любил делиться. Однако для того, чтобы получить ее в свое личное распоряжение, требовались деньги. Много денег.

И он собирался их раздобыть. Получить надежный источник дохода.

Хэнк зевнул. Строя из себя кутилу по ночам и копа днем, он совсем не высыпался.

Он упал на кровать, перекатился на спину и закрыл глаза. Луанна будет выступать только через пару часов, так что будет не лишним вздремнуть. Он уже начинал засыпать, когда неожиданно ощутил в левом плече острую боль, словно его ткнули шилом для колки льда.

Вскочив с кровати, Хэнк почувствовал, как что-то извивается у него под рубашкой. Он сунул руку и наткнулся на маленькие лапки — множество маленьких лапок. Борясь с приступом тошноты, Хэнк поймал эту штуку и потянул. Она вырывалась и извивалась у него в руке, но держалась крепко. Тогда он стиснул зубы и дернул.

Тварь отцепилась, и его плечо немедленно взорвалось невообразимой болью, вынудившей Хэнка повалиться на колени. Он выронил извивающуюся тварь и схватился за горящее огнем плечо, куда словно приложили раскаленный уголек. Сквозь слезы он смутно разглядел алую многоножку как минимум восьми дюймов длиной, которая поспешно удалялась.

— Какого черта?..

Хэнк протянул руку в поисках чего-нибудь — чего угодно, — чем можно было бы ее прибить. Схватил туфлю и с силой опустил ее на насекомое. Каблук пришелся на заднюю половину многоножки и с хрустом ее раздавил. Передняя половина дернулась, начала бешено метаться, затем оторвалась и проскочила под дверь в коридор, прежде чем Хэнк успел еще раз замахнуться.

Что за черт! Боль в плече была невыносимой.

Он убрал руку и увидел на ней кровь. Немного, но этого было достаточно. Хэнк с трудом поднялся и пошел в крошечную ванную комнату. Яркая лампочка над старым пятнистым зеркалом высветила капельки пота у него на лбу.

Его трясло. Что это была за штука? Он никогда не видел ничего подобного. И каким же, черт возьми, образом она попала к нему в комнату, в его кровать?

Он развернулся и осмотрел свое плечо в зеркале. Размер укуса его удивил — всего лишь пара проколов и пятнышко выступившей крови.

Боль была такая, что он рассчитывал увидеть нечто похожее на рану от тридцать восьмого калибра.

Жжение стало утихать. Слава Богу. Он промокнул ранку туалетной бумагой. Повезло. Кровотечение уже прекратилось.

Хэнк вернулся в комнату и рассмотрел раздавленные останки насекомого. Черт! Судя по ее виду, такая штука могла водиться в каких-нибудь джунглях. На Амазонке, например.

Каким ветром ее занесло в Сан-Франциско?

Скорее всего, приползла с какого-нибудь корабля.

Хэнка передернуло, когда он заметил, что задние лапки еще подрагивают.

Он ногой отшвырнул ее в угол.

* * *

— Детектив, вам ваш обычный столик? — спросил Морис с заученной улыбкой.

Хэнк кивнул и последовал за метрдотелем «Серендигшти» к столику на двоих, который располагался на платформе, как раз возле сцены.

— Спасибо, Морис.

Пожимая метрдотелю руку, Хэнк передал ему пятерку, хотя с трудом мог себе это позволить. Затем заказал виски с водой и занялся подсчетами. Это был последний вечер, на который у него хватало денег, до тех пор пока Мандарин не начнет делиться с ним прибылью.

Он покачал головой. Все, что для этого необходимо, — деньги. Не нужно быть умным и даже привлекательным; единственное, что потребуется, — это большая куча бумажек, и все сразу же захотят с тобой познакомиться. Ты мгновенно станешь мистером Популярность.

Потягивая напиток и ожидая выхода Луанны, Хэнк опять почувствовал жжение в плече. Черт. Только не снова. Укус болел только первые полчаса, а затем плечо стало как новенькое. Но сейчас боль

возвращалась и усиливалась.

Хэнк ощутил, как от места укуса распространяется жар, охватывает все тело, жжет кожу. Его бросило в пот. И неожиданно силы покинули его. Руки и ноги стали словно резиновые. Бокал выскользнул из пальцев, залив виски плиссированный перед рубашки.

Хэнк попытался встать, но ноги его не держали, а зал начал плыть и раскачиваться. Он почувствовал, что падает, и увидел надвигающийся на него затейливый узор ковра.

А затем все исчезло.

* * *

Хэнк открыл глаза и увидел женщину в белом. Он посмотрел вниз. Снова белое. Простыни. Он лежал в кровати.

— Где?..

На вид ей можно было дать около пятидесяти. Она ободряюще улыбнулась.

— Вы в больнице Святого Луки, и с вами все будет в порядке. Я сообщу доктору, что вы проснулись.

Она поспешно вышла из палаты, Хэнк проводил ее взглядом. У него кружилась голова. Последнее, что он запомнил…

Этот укус многоножки… Яд. Наверняка.

Боль притупилась, и теперь плечо просто ныло, но он по-прежнему был слаб как котенок.

В дверь вошел лысоватый мужчина с седеющими усами и приблизился к кровати. На нем был белый халат с полудюжиной ручек в нагрудном кармане, а под рукой — планшет.

— Детектив Соренсон, — сказал он, протягивая ладонь для рукопожатия, — я доктор Кренстон, а у вас на плече довольно серьезный нарыв.

— Нарыв?

— Да. Очаге инфекцией под кожей. Вам не следовало так все запускать. Инфекция может попасть в кровь, и тогда вы очень серьезно заболеете. Как давно это у вас?

Хэнк стянул больничный халат с плеча и изумленно уставился на красную шишку размером с мяч для гольфа.

— Когда я сегодня вечером надевал рубашку, его здесь не было.

Доктор Кренстон хмыкнул.

— Конечно же был. Подобные нарывы просто не могут достигать таких размеров всего за пару часов.

Сквозь слабость Хэнк ошутил вспышку злости.

— А этот смог. Примерно в семь часов меня укусило гигантское насекомое.

Кренстон разгладил усы.

— Правда? И что это было за насекомое?

— Не знаю. Я никогда раньше не видел ничего подобного.

— Ну, как бы там ни было, мы все равно вскроем его, дезинфицируем, и вы скоро будете в полном порядке.

Хэнк на это надеялся.

Обнаженный до пояса Хэнк лежал на животе, пока медсестра протирала его плечо антисептиком.

— Когда я надрежу кожу, вы почувствуете кратковременное жжение, но как только мы выпустим весь скопившийся там гной, вам сразу полегчает.

Хэнк взглянул на Кренстона и увидел в его руке скальпель. Отвернулся.

— Делайте.

Кренстон оказался прав наполовину: Хэнк действительно почувствовал жжение, но легче ему не стало.

Он услышал, как Кренстон пробормотал: «Да это прямо-таки экспонат для „Невероятной коллекции мистера Рипли“…»

Хэнку это совсем не понравилось.

— Что-то не так?

— Очень странно. Там нет гноя, только серозная жидкость.

— Что за серозная жидкость?

— Прозрачная янтарная жидкость — такая выделяется из лопнувшего волдыря от ожога. Странно, очень странно. — Кренстон прокашлялся. — Полагаю, мы оставим вас на ночь.

— Но я не могу…

— Вы должны. Вы слишком слабы, чтобы отправлять вас домой. И я хочу взглянуть на это насекомое. Как оно выглядело?

— Пошлите кого-нибудь ко мне на квартиру, и вы отыщете там его заднюю половину.

— Думаю, так я и сделаю.

* * *

За два дня, проведенных в больничной палате, Хэнку не стало лучше. Ему было необходимо выйти, чтобы скрепить сделку с Мандарином. Но как? Хэнк мог подниматься с постели и ходить — вернее, с трудом передвигаться шаркающей походкой, — но он по-прежнему был слишком слаб. Он стремительно худел, фунты уходили со скоростью осыпающихся с дерева листьев.

Нарыв, или что там это было, из шишки превратился в большую открытую язву, из которой постоянно сочилась жидкость.

Когда в палату бодрым шагом вошел Кренстон, Хэнк сидел на краю кровати, глядя в окно на покрытый туманом город.

— Итак, мы определили, что за многоножка вас укусила.

Это была первая хорошая новость с момента укуса.

— Да, и какая именно?

— Энтомологи из Калифорнийского университета в Беркли дали ей название длиннее вашей руки. Но это единственное, чем они смогли нам помочь. Они сказали, что она очень, очень редко встречается и ученые пока видели только несколько особей. Не могу себе представить, каким образом она попала из тропических лесов Борнео к вам в кровать.

— Борнео, — произнес Хэнк.

Не было человека, который не слышал бы о «дикарях с Борнео», но… Черт, где вообще находится это

Борнео?

— Это остров в Южно-Китайском море.

— Вы сказали, в Южно-Китайском море?

Кренстон кивнул.

— Да. А что? Это важно?

Хэнк не ответил. Он не мог. Теперь ему все стало ясно.

— Господи… в китайском…

Мандарин прислал свой ответ на требование Хэнка.

— Есть еще кое-что, о чем вам следует знать.

Тон Кренстона заставил Хэнка резко поднять голову. Доктор явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он смотрел в окно.

— Вы хотите сказать, что мне станет хуже?

Кренстон кивнул, и Хэнк ощутил, как внутри у него все заледенело.

— Хорошо, рассказывайте.

Кренстон сделал вдох.

— Многоножка, вероятно, могла впрыснуть вам яд, но главная проблема заключается не в этом. — Он замолчал.

Хэнк не был уверен, что хочет услышать продолжение.

— В чем же тогда она заключается?

— Вы помните, как мы чистили вам рану?

— Такое забудешь…

— Мы изучили образцы под микроскопом и нашли нечто… похожее на яйца.

Внутренности Хэнка едва не завязались узлом.

— Яйца?!

— Да.

— Вы их все оттуда убрали?

— Мы не знаем. Они совсем крохотные. Но мы проведем повторную чистку, на этот раз более глубокую. Однако вам следует знать…

— Знать что?

Кренстон не отрываясь смотрел в окно.

— Они вылупляются.

* * *

На следующий день, чтобы справиться о делах в Чайнатауне, к нему зашел один из новичков в полиции, детектив первого класса по фамилии Бренниган. Он вел дело о пропаже белой девушки, которую видели там в последний раз. И спросил о Мандарине. Хэнк посоветовал ему держаться от него подальше и даже продемонстрировал большую мокнущую язву на плече.

Неожиданно у него начался приступ кашля, который все не унимался до тех пор, пока Хэнк не выплюнул большой комок ярко-красной слизи. Кровь его напугала, но при виде копошащихся в клейкой массе крошечных созданий у Хэнка началась истерика.

— О господи! — закричал он Бреннигану. — Позови доктора! Медсестру! Скорее!

Твари вылупились, и они сейчас у него в легких! Как они попали к нему в легкие?

От леденящего ужаса Хэнку хотелось заплакать. Он сдерживал всхлипывания, пока Бренниган не вышел из палаты. Но не был уверен, что ему это удалось.

* * *

Хэнк рассматривал незнакомца, глядящего на него из зеркала в ванной.

— Это не единственный из известных нам случаев, — сказал тогда Кренстон. — К примеру, личинки круглых червей, нематод, попадают в кровеносную систему и проходят через легкие. Но мы никогда не сталкивались с этим видом паразитов.

Хэнк видел впалые щеки, лихорадочно блестевшие глаза, потную, нездорового цвета кожу, бледную, как раковина в ванной, — и знал, что смотрит на мертвеца.

Почему он не захотел играть честно — хоть отчасти — и не попробовал понемногу брать откуп с крупнейших игорных заведений? Зачем попытался сразу сорвать большой куш?

Он каждый день выкашливал детенышей многоножки. Эта тварь, должно быть, отложила тысячи, а возможно, десятки тысяч яиц в его плече. Ее дети сейчас сидели у него в легких, высасывали его кровь, заживо пожирали его изнутри.

И никто не мог ни черта с этим поделать.

Он заплакал. В последнее время с ним это случалось довольно часто. Не мог держать себя в руках. Хэнк чувствовал себя чертовски беспомощным.

Зазвонил телефон. Скорее всего, это Ханраан. Начальник полиции зашел к нему однажды и больше не возвращался. Хэнк не винил его за это. Видимо, тот просто не мог смотреть на практически опустошенную оболочку, в которую он превратился.

Хэнк с трудом подошел к кровати и взял трубку.

— Слушаю.

— А, детектив Соренсон, — произнес голос, который он немедленно узнал. — Я так рад, что вы еще нас не покинуть.

С губ Хэнка рвалось проклятие, но он его проглотил. С него хватило и одного насекомого в кровати.

— Не вашими стараниями.

— Ах так! Очень прискорбный поворот событий, но просто неизбежный, учитывая обстоятельства.

— Ты позвонил, чтобы поиздеваться надо мной?

— О нет. Я позвонить, чтобы предложить вам исполнение вашего желания, Хэнк замер. В его изможденном теле загорелся огонек надежды. Он боялся спросить.

— Вы можете меня вылечить?

— Приходите сегодня в три часа в «Нефритовую луну», и ваше желание исполняться.

В трубке раздались гудки.

* * *

Такси остановилось напротив «Нефритовой луны». Хэнку понадобились все его силы, чтобы встать с заднего сидения.

Медсестры подняли крик, доктор Кренстон разбушевался, но они не могли удержать его, раз он принял твердое решение. Увидев, насколько все серьезно, сестры отыскали для него трость, чтобы Хэнку было легче идти.

Сейчас он оперся на эту трость и огляделся по сторонам. Тротуар перед рестораном был забит китайцами, и все они на него пялились. Не просто смотрели — шептались и указывали пальцами.

Хэнк не мог их винить. В помятом, слишком свободном для него смокинге он, должно быть, представлял собой то еще зрелище. Когда-то смокинг сидел на нем как влитой, теперь же висел, словно на пугале. Но у Хэнка не было выбора. Это была единственная одежда в шкафчике его палаты.

Он ступил на тротуар и остановился там, покачиваясь. На миг Хэнк испугался, что упадет. Но его спасла трость.

Щебет китайцев становился все громче, он заметил, что толпа растет. Сюда подходило все больше китайцев, они стекались отовсюду и скоро перекрыли улицу. И все пялились на него, показывали пальцами, шептались.

Цзян, видимо, пустил слух, чтобы они пришли посмотреть, какая судьба ждет каждого, кто пойдет против Мандарина.

«Черт с вами, — подумал Хэнк, шаркающей походкой приближаясь к двери ресторана, — наслаждайтесь зрелищем, желтые ублюдки».

Толпа расступилась передним и с интересом наблюдала, как он пытается открыть дверь. Никто не подошел, чтобы помочь. Затем кто-то распахнул дверь изнутри и показал на дальнюю часть зала.

Хэнк увидел, что Цзян сидит за тем же столиком, где они впервые встретились. Но на этот раз Цзян сидел спиной к стене. Когда Хэнк добрался до столика, он не поклонился и даже не встал.

— Садитесь, детектив Соренсон, — сказал он, указывая на второй стул.

Он совсем не изменился с прошлой встречи: тот же черный халат, та же шапочка, та же косичка и то же ничего не выражающее лицо.

Хэнк же, с другой стороны…

— Я постою.

— Ах, вы плохо выглядеть. Должен сказать, если вы падать, этот человек не помогать вам подняться.

Хэнк знал, что никогда не сможет самостоятельно подняться, если упадет. И что тогда? Все китайцы пройдут мимо него колонами, чтобы еще раз взглянуть?

Он опустился на стул и в этот момент заметил нечто, похожее на черную коробку для сигар, стоявшее перед Цзяном.

— Что это? Еще одно насекомое?

Цзян пододвинул коробку к Хэнку.

— Нет, напротив. Это бороться с ваш паразит.

Хэнк закрыл глаза, подавляя всхлип. Лекарство… ему действительно предлагают лекарство? Но он знал, что здесь должен быть подвох.

— Что я должен сделать за это?

— Принимать три раза в день.

— И все? Никаких подвохов?

Цзян покачал головой.

— Никаких, как вы говорить, подвохов.

Он открыл коробку, в которой оказались десятки красных бумажных цилиндров размером с сигарету.

— Вы просто рвать один три раза в день и вдыхать порошок внутри.

Как бы Хэнку ни хотелось ему поверить, его разум все еще отказывался признать, что с ним могут играть честно.

— И все? Три раза в день — и я вылечусь?

— Я не обещать исцеление. Я говорить, это бороться с ваш паразит.

— А в чем разница? И что это такое?

— Яйца крошечного паразита.

— Паразита?! — Хэнк оттолкнул коробку. — Ни за что в жизни!

— Вы правы. Не в моей жизни — в вашей жизни.

— Я не понимаю.

— Во Вселенная есть закон, детектив Соренсон: все должно есть. Что-то умирать, чтобы что-то мочь жить. Эти яйца паразита тоже. Люди не интересовать их. Они расти только в личинках, что жить в ваших легких. Они пожирать их изнутри и оставлять свои яйца.

— Чтобы убить паразита, нужен другой паразит? Это бред!

— Не бред. Это поэзия.

— Откуда я знаю, что мне не станет от них хуже?

Цзян улыбнулся, впервые изменив выражение лица.

— Хуже? Насколько хуже может быть, детектив Соренсон?

— Я не понимаю этого. Вы почти меня убили, а затем предлагаете меня вылечить. В чем дело? Вашему Мандарину нужен ручной коп? Я угадал?

— Я не знать никакой Мандарин. И снова, я не обещать вам вылечиться, я давать вам шанс.

Надежда Хэнка пошатнулась, но устояла.

— Хотите сказать, это может не сработать?

— Все зависеть от расстановка сил, детектив. Вырасти ли личинки так, что паразит не убить их все вовремя? Хватать ли детектив Соренсон сил, чтобы выжить? Здесь и начинаться забава.

— Забава? Вы называете это забавой?

— Забава не для вас и не для меня. Забава для все остальные, потому что мой хозяин решить исполнить ваше желание.

— Желание? Какое желание?

— Войти в игру — это ваши слова. Помните?

Хэнк помнил, но…

— Я не понимаю.

— Весь Чайнатаун делать на вас ставки.

— На меня?

— Да. Равный ставка на то, умирать вы или жить. А те, кто думать, что вы скоро отправляться к предки, будут играть лотерея — угадывать когда. — Еще одна улыбка. — Вы получить ваше желание, детектив Соренсон. Теперь вы часть игры. Вы теперь стать игра.

Хэнку хотелось закричать, вскочить со стула и стереть ухмылку с мерзкого желтого лица Цзяна. Но он мог только мечтать об этом. Все, что он мог, — это всхлипнуть и расплакаться, доставая из коробки один из бумажных цилиндров.